

Петров А. В.

**Новгородские юродивые
Николай Кочанов и Федор и их «распря»**

Как видно из заголовка, данная статья в хронологическом ее аспекте будет прежде всего ориентирована на эпоху Сергия Радонежского. Эта эпоха есть самая классическая пора нашего средневековья. Кроме всего прочего, она очень показательна для понимания сути русской средневековой религиозности вообще и исторического соотношения Христианства с дохристианскими религиозными представлениями в частности.

Как Сергия Радонежского можно считать символом и образцом русской святости, так символическую «распря» его современников – новгородских юродивых Федора и Николая Кочанова (Николай почил в один год с Сергием – 1392) – можно считать примером, демонстрирующим характер взаимодействия христианства и язычества в лоне отечественной традиции, примером, подводящим к важным обобщениям.

I.

Древнейший социум делился на две половины. Дуальная организация была первой формой социальной организации. Её и то, что с нею было связано и так или иначе опосредовано ею, как «первую любовь», людские сообщества не забывали долго.

Дуальная структура архаичного общества взаимосвязана с дуалистической мифологией. Считалось, что вообще весь мир делится на две половины. Традиции, генетически восходящие к этому древнейшему пласту социальности, проявлялись в разных, подчас неожиданных, гранях исторической жизни племён и народов. По словам академика Вяч. Вс. Иванова, «оказалось, что это более или менее общий принцип, который открыт исследователями в разных частях того, что до недавнего времени называли третий мир, а сейчас называют “развивающиеся страны” или, что то же самое, умирающие языки и умирающие народы. Пока все-таки это большая

часть народов и языков, которые известны, – все они устроены таким образом»¹.

В современной историографии не всегда присутствует готовность констатировать и осознать *важнейшее открытие обществоведения XX в.: открытие системообразующего значения в социальной истории древнейшего принципа дуальности*, о котором, на мой взгляд, – в контексте исторического развития от первоначальной архаики до наших дней – глубже всех судит сейчас Вяч. Вс. Иванов.

К данному открытию учёные пришли в первой половине XX в., и русской науке здесь принадлежит ведущая роль. Именно в России приведённые суждения получили наиболее развёрнутую аргументацию, и был наиболее глубоко и всесторонне осмыслен феномен дуальной организации общества первобытных и древних народов. Наш замечательный соотечественник – Александр Михайлович Золотарёв (1907–1943) – по праву может считаться, наряду с такими корифеями, как Л. Г. Морган, Эд. Тейлор и Дж. Фрэзер, «отцом-основателем» этнографии. Даже после ярких выступлений Вяч. Вс. Иванова говорить об этом приходится с ударением.

Золотарёву не везло при жизни, не везёт и сейчас: на фундаментальный труд выдающегося учёного почти не ссылаются, а имя его умудряются не упоминать и в работах, прямо посвящённых тем проблемам, в изучение которых он внёс свой неопределимый вклад.

«Его архивами пользовались, – отмечает новейший исследователь научного творчества Золотарёва, – его идеи заимствовали, но на него почти не ссылались и не отдавали ему должного в печати. В то же время в «устной традиции», бытовавшей среди отечественных этнологов и археологов, его образ высоко чтился»².

Примечательно, что процитированный новейший биограф Золотарёва, справедливо относящийся к Александру Михайловичу с громадным уважением и признательностью, тем не менее, на мой взгляд, недооценивает значение той части творческого наследия учёного, которую называет его «глобальными теоретическими построениями». Между тем, концептуальное осмысление А. М. Золотарёвым первобытной дуальной организации – именно таковое

¹ Иванов В. В. Дуальные структуры в обществах (лекция Вячеслава Вс. Иванова, прочитанная 1 сентября 2005 г.) // «Публичные лекции “Полит.ру”». – <http://www.polit.ru/lectures/2005/09/06/ivanov.html>

² Артёмов О. Ю. А. М. Золотарев: трагедия советского учёного. – <http://www.lhst.ru/projects/sohist/books/ethnography/2/193-226.pdf>.

Новгородские юродивые Николай Кочанов и Федори их “распря”

«глобальное теоретическое построение», и оно в принципиальном плане верно.

«Подлинные заслуги Золотарева перед наукой велики, и в полном объеме они, пожалуй, все еще скрыты от внимания коллег», – констатирует научный биограф великого этнографа. Я бы уточнил: научные достижения А. М. Золотарёва настолько масштабны, высказанные им идеи настолько оригинальны и смелы, что могут быть всё ещё не вполне понятыми и оценёнными по достоинству даже в комплиментарном по отношению к нему науковедении.

Некогда один из рецензентов А. А. Шахматова написал, что новаторские идеи последнего «находятся за чертой научного приобретения», т.е. надобно время, чтобы в полной мере вовлечь их в научную дискуссию. Что-то подобное, в иных, конечно, тонах и с иными пропорциями, по-видимому, можно сказать и о взглядах Золотарёва, хотя объективное накопление научных данных подтверждает их принципиальную правоту.

II.

А. М. Золотарёв внес существенный вклад и в понимание ярчайшего феномена русского средневековья – древнего Новгорода. Золотарёв не был специалистом по истории средневековой Руси, но, обладая широчайшими познаниями и удивительной научной интуицией, он поставил красноречивые факты древненовгородской истории в контекст своей концепции и сформулировал гипотезу, имеющую, на мой взгляд, важное значение для исторического новгородоведения. Затронув тему междоусобных столкновений жителей Софийской и Торговой сторон Новгорода, А. М. Золотарёв высказал убеждение в том, что «эти побоища носили когда-то ритуальный обрядовый характер и проистекали, вероятно, из соперничества двух фратрий, селившихся по разным берегам реки». И «как бы не менялось в дальнейшем социальное содержание» новгородских половин, «и какими бы причинами не вызывались побоища между ними», вполне вероятно, что первоначально данные половины «были просто двумя фратриями словенского племени»³.

Высказанная мысль опирается на аргументированное положение о связи традиционной социально-территориальной структуры древних городов с архаической дуальной организацией со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Разумеется, нельзя отрицать *территориально-общинного* характера новгородских концов XII–XIII вв. Но с другой стороны,

³ Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. С. 283.

необходимо проследить генетические корни этих организаций в родоплеменной эпохе. При этом надлежит подчеркнуть, что историки обычно анализировали кончанское деление, обходя вопрос о его соотношении с делением Новгорода на стороны, что вряд ли оправдано. Концы, по крайней мере некоторые из них, появились на глазах у истории. Позднее сторон включились они и во внутригородские отношения. До 80-х годов XII в. в периоды междоусобий Новгород раскалывался на стороны, а не на концы. И в материалах, относящихся к XIV–XV вв., будут четко фиксироваться контуры самостоятельного значения сторон. По моему мнению, *деление средневекового Новгорода на две автономные части **стадиально старие** кончанского деления*⁴.

Говоря о корнях социальной структуры Новгорода, отразившихся в его территориальном делении на стороны и концы, мы обязаны признать, что на нынешнем этапе исследований, при всём изобилии доступных археологических материалов, невозможно с однозначной и бесспорной определённой охарактеризовать позднеплеменные и общинные структуры славянского Приильмья IX–X вв. и процессы, в них происходившие. В то же время, изучая феномен кончанского деления Новгорода и других городов, где это деление зафиксировано, невозможно и абстрагироваться от сравнительно-исторических материалов. Данные же материалы, на мой взгляд, подтверждают мысль А. М. Золотарёва о том, что у истоков древнейшего членения поселений находилась дуальная организация со всеми её идеологическими институтами.

Положение о дуальной организации как источнике формирования сторон Новгорода и, в конечном счёте, его кончанской системы и как источнике традиционных взаимоотношений древних городских частей не является изолированной гипотезой, аргументация которой исключительно сосредоточена в специфической области исследования новгородской топографии и проблемы происхождения города. Тема наследия дуальной организации, отношений вражды и соперничества между жителями традиционных членений Новгорода, красной нитью проходит через историю многочисленных конкретных событий социальной борьбы XII–XV вв., сказываясь в её обстоятельствах и нюансах, менее заметных, возможно, при изолированном анализе данных событий, но красноречивых, на мой взгляд, при рассмотрении явления в целом.

⁴ См.: Петров А. В. От язычества к Святой Руси. Новгородские уособицы (к изучению древнерусского вечевоего уклада). СПб., 2003.

Современные археологические исследования (прежде всего труды Евгения Николаевича Носова, предложившего новое решение проблемы происхождения Новгорода⁵) устанавливают сравнительно позднее возникновение столицы на Волхове. Согласно этим исследованиям, она росла постепенно и топографически не из двух древнейших ядер, что могло бы указывать на бинарность её изначальной социальной структуры. Тем не менее, на мой взгляд, преждевременно на этом основании закрывать тему дуального наследия Новгорода. Как социальное отношение дуальность археологически может быть неуловима. Позднее возникновение города едва ли сопровождалось для его жителей полным разрывом с традициями предыдущей поры. Положение о том, что Новгород в своём топографическом двуединстве возник разово, не является обязательным условием для суждений о дуальном характере социально-территориальной структуры Новгорода. Поскольку город возник поздно и рос постепенно, логично допустить, что он постепенно раскрывал и бинарную природу социальной организации своего населения, под воздействием которой оказалось его территориальное оформление.

Новгород стал образцовым в Древней Руси хранителем дуальных традиций, в особенности традиционных отношений вражды и соперничества между жителями древних частей города, может быть, как раз потому, что возник поздно. В нём эти архаические по происхождению традиции регенерировались и зажили новой жизнью, о чём свидетельствует немалое количество фактов и обстоятельств новгородской действительности XII – XV вв.

Важно подчеркнуть, что стороны Новгорода, своей формой напоминая дуальные половины первобытного целого, и оформляясь под влиянием древней традиции, были уже новыми образованиями, по содержанию не тождественными архаическим фратриям. А более поздние корпорации – концы, ставшие заметными игроками на арене социально-политической борьбы с конца XI в., соответствовали территориально-общинному устройству и по содержанию, и по форме. Отношения вражды и соперничества между древними членами города далеко ушли от исходного архаического ритуала и получили позднейшее оформление в виде борьбы представителей сто-

⁵ Носов Е. Н. 1) Новгород и новгородская округа IX-X вв. в свете новейших археологических данных (к вопросу о возникновении Новгорода) // Новгородский исторический сборник. 2 (12). Л., 1984; 2) Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990; Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты из раскопок 1998 г. // Вестник РАН. 1999. Т. 69. № 7. С. 600.

рон и концов за общегородскую власть. Способность институтов древнейшей дуальной организации возрождаться в новых условиях теми или иными своими элементами позволила А. М. Золотарёву сравнить её с «душою буддиста, продолжавшей жизнь в перевоплощениях»⁶. Вообще говоря, история показывает, что восстановленные (вторичные) формы культуры зачастую бывают даже более красноречивыми в плане демонстрации некоторых характерных особенностей этой культуры, нежели её первичные формы. К примеру, у всех у нас на слуху знаменитое высказывание: феодализм принял свою наиболее классическую форму не где-нибудь во Франции во времена бурной децентрализации империи Каролингов, а позднее, в королевстве, созданном крестоносцами в Палестине.

III.

Уходящая корнями в глубокую старину городская структура способствовала длительному сохранению порожденного дуальной организацией института традиционной вражды и соперничества между жителями городских членений. Летописцы недвусмысленно связывали столкновения сторон с языческими представлениями и обычаями. Традиционное соперничество унаследовали и концы. Оно прошло долгий исторический путь и со временем сказалось на столкновениях территориальных корпораций Новгорода вокруг государственных должностей. Это явилось позднейшим оформлением архаического по происхождению социального института. Возникшее в конце XI в. выборное на вече посадничество сыграло роль «яблока раздора» между частями города⁷.

Во взаимоотношениях новгородских сторон определенно угадываются контуры ритуального противостояния дуальных половин первобытного целого. Древнерусские летописцы столкновения жителей сторон на мосту через Волхов напрямую связывали с языческими верованиями и обычаями. В рассказах о Крещении Новгорода Новгородской IV⁸, Псковской I⁹ и некоторых других летописей¹⁰ воспроизводится весьма красноречивая на сей счет древняя легенда, согласно которой свергнутый в Волхов Перун, «поплыве сквозе Велии мость, верже палицю свою на мость, еуже ныне без-

⁶ Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. С. 291.

⁷ См.: Петров А. В. От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы.

⁸ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915. С. 90-91.

⁹ Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. I. С. 9.

¹⁰ См.: Янин В. Л. Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи) // Русский город. М., 1984. Вып. 7. С. 40-56.

Новгородские юродивые Николай Кочанов и Федори их “распря”

оумнии оубивающесе, оутеху творять бесомъ». Безусловно, бои подобного рода гораздо древнее Крещения (равно как самого моста через Волхов). «Предание это показывает, – подчеркивал еще Н. И. Костомаров¹¹, – что в памяти новгородцев их раздоры были очень древними. Народ этим как бы хотел сказать, что, по его понятию, то же и при дедах делалось, что после». Однако в отмеченных летописных известиях наиболее важна связь традиционных драк с религией.

Вряд ли в данном случае речь идёт только о конкретном языческом обычае тризны – поминок (в прямом смысле слова). Трудно представить себе поминальное действо в виде масштабного, далеко идущего по своим последствиям и значению перманентного соперничества сторон города или его концов. Скорее мы имеем тут дело со своеобразной «мутацией» древнего ритуала, ставшего в исторический период порвавшим с условностью самостоятельным началом культуры. Необходимо углублённое обсуждение вопроса о феномене подобной «мутации», о котором, каждый на своём материале, много и аргументировано писали последователи Золотарёва С. П. Толстов и О. А. Сухарева¹².

Попавшее в летопись в первой половине XV в.¹³, но несомненно древнее предание о «Перуновой палице», от удара которой разгорелись новгородские усобицы, было хорошо известным и долго бытующим на берегах Волхова. Традиционные отношения между сторонами и концами, имевшие в разные периоды разное наполнение, но не исчезающие, пока сохранялось древнее городское членение, поддерживали это предание.

Есть сведения, что в Новгороде вплоть до середины XVII в. даже показывали какие-то «Перуновы палицы». Языческую реликвию, о которой идет речь, уничтожил не кто иной, как будущий патриарх Никон. Из приписки на полях принадлежавшей ему Степенной книги, подаренной в 1660–1661 гг. Ново-Иерусалимскому монастырю, узнаём, что «Перуновы палицы» находились в Борисоглебской церкви Новгородского кремля и в 1652 г. «...последняя палицы у святого Бориса и Глеба взем митрополит новгородцкии

¹¹ Костомаров Н. И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада: В 2 т. СПб., 1863. Т. II. С. 105.

¹² См.: Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948; Сухарева О. А. 1) Традиционное соперничество между частями городов в Узбекистане (конец XIX – начало XX в.) // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М., 1958. XXX; 2) Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М., 1976.

¹³ Янин В. Л. Летописные рассказы о крещении новгородцев. С. 46.

пред собою сожже, и тако преста бесовское то тризнице со оловеными наконечниками тяжкими»¹⁴.

Едва ли будущему «неистовому» патриарху удалось «затоптать» самую память о древних раздорах и питавшей их вражде, связанной с языческими представлениями. Эта традиция была весьма укоренённой; желания опережали действительность.

На славяно-русской почве трансформации ритуальной вражды и соперничества способствовали древнейшие особенности местного социально-политического уклада, которые не скрылись от взгляда внимательных наблюдателей. Есть данные, что на вечевых собраниях древних славян царили несогласия, которые удивляли византийских авторов. Дух противоречия был настолько силен среди архаического славянства, что влиял даже на его военную культуру, сказываясь на способах ведения войны¹⁵. Этот дух противоречия составлял благоприятную среду для нагнетания традиционной вражды и соперничества.

С другой стороны, допустимо предположить, что начало соперничества, издревле характеризовавшее жизненный уклад славян, стимулировало поиски и особого действенного противовеса, который был найден в форме принципа «одиначества»¹⁶. Новое дыхание этот принцип славянского жизнеустройства получил в эпоху перехода от племенного быта к строю городов-земель.

В политическом «одиначестве» на Руси со временем воплотилось нечто большее, чем потребность в устройении власти. «Одиначество» заявило о себе и как *религиозно-нравственный* принцип народной жизни, готовый и способный к христианизации.

Допустимо предположить также, что христианское осмысление реалий славяно-русского быта, о которых шла речь выше, привело к особому подчёркиванию непримиримо-противоположного туземным раздорам и вражде *кентипического начала*. Как справедливо заключил Г. П. Федотов, при всём очевидном еван-

¹⁴ Мацулевич Л. А. О времени разрушения Борисоглебской церкви в Новгородском детинце // Новгородская церковная старина: Труды Новгородского церковно-археологического общества. Новгород, 1914. Вып. I. С. 187.

¹⁵ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995. С. 76.

«Пребывая в состоянии анархии и взаимной вражды, они ни боевого порядка не знают, ни сражаться в правильном бою не стремятся, ни показываться в местах открытых и ровных не желают» («Стратегикон» Маврикия // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I-VI вв.). М., 1994. С. 371).

¹⁶ См.: Петров А. В. Несколько замечаний о древнерусском «одиначестве» // Русские древности: К 75-летию профессора И.Я. Фроянова. СПб., 2011. С. 71-83.

Новгородские юродивые Николай Кочанов и Федори их “распря”

гельском происхождении идеи вольной жертвы за Христа, для неё невозможно найти агиографический образец. *«Подвиг непротивления есть национальный русский подвиг, подлинное религиозное открытие новокрещенного русского народа»*¹⁷.

Опубликованные после выхода в свет книги Г. П. Федотова исследования, на мой взгляд, не смогли опровергнуть его основного утверждения об уникальности в христианском мире древнерусского почитания Бориса и Глеба.

В этой связи пребывание символа усобиц – «палиц Перуна» в церкви, посвящённой Борису и Глебу, раскрывает свой основной смысл. Принцип вражды может быть погашен антагонистическим по отношению к нему началом, олицетворённым подвигом Бориса и Глеба. Символ раздора столетиями лежал в Борисоглебской церкви, игравшей, таким образом, в сознании средневековых новгородцев роль в чём-то аналогичную теперешнему назначению бетонного «саркофага» над взорвавшимся чернобыльским реактором – Борисоглебский храм призван был минимизировать языческую «радиацию», исходящую от палиц.

Наиболее ярко связь раздоров между сторонами с достойными осуждения языческими обычаями, равно как общеизвестность этой связи в Новгороде, отразились в записанных в XV или в XVI в. устных сказаниях о новгородском юродивом Николае Кочанове, почившем в 1392 г.¹⁸.

Николай жил на Софийской стороне, а его современник – юродивый Феодор на Торговой стороне. Они выражали преданность христианству всей своей убогой аскетической жизнью, полной добровольных лишений. Вместе с тем, как и всяким юродивым, им принадлежало общественное значение. Блаженные преподавали народу уроки христианской нравственности, осуждали его недостатки. Изобличая и высмеивая новгородцев за их приверженность к пагубной языческой традиции межрайонной вражды, Николай и Феодор пародировали усобицы между сторонами города. Когда Николай являлся на Торговую сторону, его оттуда решительно выгонял Феодор, и, наоборот, Феодору невозможно было зайти на Софийскую сторону, чтобы его тотчас не стал гнать на «он пол» Николай. Разыгрывая в назидание новгородцам свою условную распря-фарс, Николай и

¹⁷ Федотов Г. П. Святые Древней Руси. Париж, 1985. С. 28-29. Курсив в цитате мой – А. П.

¹⁸ Служба Николаю Юродивому Новгородскому с Житием. СПб., 1831; Костомаров Н. И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. Т. II. С. 386-388.

Феодор по преданию совершали различные чудеса. Так, людская молва говорила, будто Николай бросал в своего «противника» кочаны капусты (отсюда и само прозвище – Кочанов), стоя при этом на поверхности воды на самой середине Волхова.

М. М. Бахтин (а теперь уже и не только он) показал, что «пародия» в принципе являлась составной частью средневековой жизни, выступая в роли своеобразного оппонирующего начала официальной культуры¹⁹. И «пародия» эта, в свою очередь, как считает Вяч. Вс. Иванов, стала одним из воплощений древнейшего принципа дуальности. «Это принцип, на котором держится стабильное общество. Как по отношению к современности показал Поппер и как по отношению к древности показали Золотарев и многие другие... То есть, по-видимому, мы можем говорить, что этот принцип дуальности, которая создает стабильность и прочность общества, дает возможность двум противоположенным частям жить и осмыслять мир, – это большое завоевание всей человеческой культуры в целом»²⁰.

В средневековую пору «пародия» свидетельствовала о специфике «пародируемого». *Для вечевового Новгорода усобицы сторон и концов с неизгладимой и неотъемлемой памятью о «перуновых папцах» были обыкновением, составной частью существования.*

IV.

Установленный в процессе исследования «новгородских усобиц» факт длительного существования отношений вражды и соперничества между традиционными подразделениями Новгорода, на мой взгляд, актуализирует дискуссию об особенностях древнерусской религиозности, о соотношении в ней генетически различных компонентов.

Большое значение для историка русского средневековья имеют выводы Н. И. Толстого, установившего, что «средневековая и “традиционная” духовная культура славян состояла из трёх генетически различных компонентов: 1) христианства, связанного с церковной догматикой, привнесённого извне из греческой Византии или латинского Рима, 2) язычества, унаследованного от праславянского периода, исконного для его носителей, и 3) “антихристианства” (либо ахристианства), чаще всего опять-таки язычества, но неславянского происхождения, проникшего в славянскую народную среду вместе с христианством или иным (субстратным, интерферентным) путём».

¹⁹ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

²⁰ Иванов В. В. Дуальные структуры в обществах.

Причём, «третий компонент во многом слился со вторым, что позволило... ряду учёных выдвинуть тезис о русском (и славянском) народном христианско-языческом “двоеверии”»²¹.

Признавая справедливость данных положений, следует вместе с тем подчеркнуть, что компонент духовной культуры, генетически восходящий к национальному язычеству, включал в себя как *десемантизированные* элементы, так и составляющие, о которых *подобное* утверждать нельзя.

С одной стороны, как на это ещё в 1952 г. указал Д. С. Лихачёв²², с определённого исторического момента языческий символ (песня, обряд, etc.) продолжает жить независимо от породившего его язычества. Происходит своеобразная «перекодировка» знаков, переключение отдельных компонентов языческой культуры из сферы религиозного сознания в сферу иных форм общественного сознания, например, эстетического сознания. Данная «перекодировка» во многом и призвана объяснить ту видимую лёгкость, с которой языческий по происхождению обряд вступает во внешнюю связь с христианской обрядностью, зачастую сохраняясь, таким образом, до наших дней. Это, условно говоря, – «чешуя, в которой нет змеи, лишь тонкий воздух, вьющийся в пространстве».

Относительно языческих образов в фольклоре, письменной словесности, изобразительном искусстве, формах народных развлечений, как будто, допустимо сравнительно простое решение. Позволительно говорить о том, что где-то с конца XII столетия обращение к языческим символам и образам отнюдь не всегда свидетельствует о язычестве как таковом, а может являться формой «умелой проповеди», преподнесения христианских реликвий сквозь призму привычного в народной среде мировосприятия, неотъемлемой частью которого выступала календарно-обрядовая традиция²³.

Сложнее дело обстоит, когда речь заходит о структурах другого порядка и значения. Насколько и о них можно говорить, что они тоже – «чешуя, в которой нет змеи»? В составе отмеченного Н. И. Толстым «второго компонента» духовной культуры средневекового славянства мы фиксируем воззрения и обычаи, генетически восходившие к дохристианским верованиям (причём, не только к «национальному язычеству», но и к более архаичным индоевро-

²¹ Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 57-58.

²² Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы. М., 1952. С. 185.

²³ Филипповский Г. Ю. Столетие дерзаний (Владимирская Русь в литературе XII в.). М., 1991. С. 8-9, 15.

пейским пластам первобытности или вовсе к общечеловеческим началам культуры). Эти воззрения и обычаи продолжали жить и развиваться вне язычества как системы, уже разрушенной в своей целостности. Они наполнялись новым содержанием, приобретали новое оформление и общественное значение. Это своего рода «дериваты», – «вторичные» формы культуры, возникавшие или регенерировавшиеся на основе «первичных» форм, производные от них, но удержавшие в себе нечто очень важное от своих исконных оснований. А значит, для их характеристики важны не только их происхождение (генетическая связь с язычеством), но также судьба и общественное значение в «пост-языческие» времена.

Институт традиционной вражды и соперничества, на мой взгляд, может быть отнесен к подобного рода «дериватам».

Как последнее явление могло ужиться с христианством? Как понимать проблему единства духовной культуры русского средневековья (или определять степень такового)? Только одно предельно ясно – религиозная ситуация в средневековой Руси была исключительно сложной. В понятие «двоеверие» разные исследователи зачастую вкладывают неодинаковый смысл. О данном понятии надлежит тщательно условливаться. В наиболее общем плане есть принципиальное различие между «двоеверием», понятым как *слав* языческих, и христианских элементов культуры и «двоеверием», понятым как всего лишь *смешение* данных составляющих.

Н. И. Толстой считал, что само по себе «двоеверие» «можно наблюдать, если анализировать элементы культуры... в позиции противопоставления двух начал (христианского и языческого). В позициях же нейтрализации язычество и христианство могли смыкаться... При синхронно-структуральном рассмотрении этого явления (славянской народной духовной культуры – А. П.) можно говорить о целостности религиозно-мифологических народных представлений, о диалектном, народном единоверии, которое было характерно для славян...». При этом «отдельные слои и фрагменты славянской народной культуры» были «по-разному насыщены» отмеченными учёным тремя её компонентами, но в целом она представляла собой «единую, хотя и подвижную, а в некоторых случаях и несколько противоречивую систему»²⁴.

Нет ли в суждениях о *единоверии* некоторой недооценки фундаментальных различий между христианством и язычеством?

О том, что названные религиозные системы в принципиальном плане не отличались друг от друга, решительно и категорично

²⁴ Толстой Н. И. Язык и народная культура. С. 58-59.

писал Б. А. Рыбаков.²⁵ Последнего в этом отношении не менее решительно поддержал И. Я. Фроянов, уверенный в «существовании на Руси XI–XII столетий оязыченного христианства, то есть “двоеверия”, с одной стороны, и чистого язычества – с другой». И позднее сохранилось «являвшееся смесью христианства с язычеством “двоеверие”, из которого впоследствии и выросло современное русское православие».²⁶

На мой взгляд, в осмысление исторического феномена «двоеверия» и в определение логической роли его истолкования в реконструкции общей истории русской средневековой культуры значительный вклад вносят работы Г. К. Вагнера²⁷. Опирающиеся на фундаментальные труды А. Ф. Лосева положения Г. К. Вагнера позволяют многое по-иному увидеть в долгом и противоречивом процессе христианизации Руси.

Г. К. Вагнер замечательно акцентировал ключевую проблему истории христианства в России и иных странах. Я имею ввиду проблему исторического соотношения христианства и язычества, от того или иного решения которой напрямую зависит интерпретация религиозно-культурной эволюции пост-античного европейского общества. Разнятся ли христианство и язычество только по форме, по сути оставаясь близкими религиозными системами, либо между ними, если иметь в виду культурологический аспект, – пропасть? *Здесь важная методологическая и историографическая развилка.*

²⁵ «При ознакомлении с литературными произведениями, летописями, прикладным искусством мы не ощущаем резкого перелома в *существовании* религиозных представлений. Менялась (иногда очень существенно) форма, а содержание оставалось близким к прежнему. И это происходило... в силу того, что “свет” новой веры в своей сущности... очень незначительно отличался от традиционной “тьмы” дедов и прадедов» (Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 559). «Отмиранию язычества не содействовало то, что *существенных, принципиальных* отличий нового от старого не было: и в язычестве, и в христианстве признавался единый владыка Вселенной; и там и здесь существовали невидимые силы низших разрядов; и там и здесь производились моления – богослужения и магические обряды с заклинаниями-молитвами; там и здесь каркасом годичного цикла празднеств были солнечные фазы; там и здесь существовало понятие «души» и ее бессмертия, её существования в загробном мире. Поэтому перемена веры расценивалась внутренне не как смена убеждений, а как перемена формы обрядности и замена имён божеств» (Там же. С. 774).

²⁶ Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси. Ижевск, 2003. С. 183.

²⁷ См.: Вагнер Г. К. 1) Тысячелетние корни. М., 1991; 2) К вопросу о новом сознании Киевской Руси X–XII веков // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 8. М., 1995. С. 16–23.

В исследованиях Б. А. Рыбакова в наиболее полной мере реализован первый подход, что предопределило взгляды этого учёного на причины принятия Русью христианства, на характер культуры русского средневековья в целом, на то главное, что принесено в мир христианством. Подход, о котором идёт речь, вполне определился в дореволюционной историографии, как определился в ней и противоположный взгляд. Различие мнений Вагнера и Рыбакова – это и отголосок давних споров в русской исторической литературе, и столкновение двух принципиально различных историсофских и мировоззренческих позиций, продемонстрировавших свою несхожесть и неодинаковый эвристический потенциал в многовековом ходе не только исторического, но и общегуманитарного постижения культуры.

Глава язычества с христианством в средневековой Руси не было. Реконструируемый в Великом Новгороде (с древнейших времён до XVII в.) институт традиционной вражды и соперничества ни с чем в христианстве «слиться» или «сомкнуться» не мог, архаические воззрения на огонь и пожары²⁸ – тоже.

То, что не могло быть десемантизировано, выдавливалось, изгонялось, искоренялось, – долго, порою, целые столетия. Века этой борьбы логичнее определять как время сосуществования разорванных культурных пластов, время раздвоения (или «растрояния»²⁹) общественного сознания и, вместе с тем, как время накапливавшихся успехов христианизации в религиозно-моральном и политическом аспектах.

Русское средневековье – и пора противоборства с язычеством, и история постепенного нравственного торжества христианства.

Источники и литература:

1. «Стратегикон» Маврикия // Свод древнейших письменных известий о славянах. 2-е изд., испр. / Отв. ред. Л. А. Гиндин, Г. Г. Литаврин. М., 1994. Т. I (I-VI вв.).

²⁸ Петров А. В. 1) Что озарялось в сполохах пожаров средневекового Новгорода? // Український історичний збірник – 2007 (Випуск 10) / Голов. ред. Т. Чухліб. Київ: Інститут історії України НАН України, 2007. С. 21-27; 2) С ветром и вихром. «Пожарная скорбь» в волховской столице // «Родина». 2009, Сентябрь. № 9. С. 34-36.

²⁹ «...Следует говорить, рассматривая положение вещей в генетическом ракурсе, не о двоеверии, а скорее, о трооеверии» (Толстой Н. И. Язык и народная культура. С. 56).

2. *Артёмов О. Ю.* А. М. Золотарев: трагедия советского учёного. – <http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/ethnography/2/193-226.pdf>
3. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.
4. *Вагнер Г. К.* К вопросу о новом сознании Киевской Руси X-XII веков // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 8. М., 1995. С. 16-23.
5. *Вагнер Г. К.* Тысячелетние корни. М., 1991.
6. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995.
7. *Золотарев А. М.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.
8. *Иванов В. В.* Дуальные структуры в обществах (лекция Вяч. Вс. Иванова, прочитанная 1 сентября 2005 г.) // «Публичные лекции “Полит.ру”». – <http://www.polit.ru/lectures/2005/09/06/ivanov.html>
9. *Костомаров Н. И.* Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада: В 2 т. Т. II. СПб., 1863.
10. *Лихачев Д. С.* Возникновение русской литературы. М., 1952.
11. *Мацулевич Л. А.* О времени разрушения Борисоглебской церкви в Новгородском детинце // Новгородская церковная старина: Труды Новгородского церковно-археологического общества. Новгород, 1914. Вып. I.
12. *Носов Е. Н.* Новгород и новгородская округа IX-X вв. в свете новейших археологических данных (к вопросу о возникновении Новгорода) // Новгородский исторический сборник. 2 (12). Л., 1984.
13. *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
14. *Петров А. В.* Несколько замечаний о древнерусском «одиночестве» // Русские древности: К 75- летию профессора И.Я. Фроянова / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. С.71-83.
15. *Петров А. В.* От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003.
16. *Петров А. В.* С ветром и вихром. «Пожарная скорбь» в волховской столице // «Родина». 2009, Сентябрь. № 9. С. 34-36.
17. *Петров А. В.* Что озарялось в сполохах пожаров средневекового Новгорода? // Український історичний збірник – 2007 (Випуск 10) / Голов. ред. Т.Чухліб. Київ: Інститут історії України НАН України, 2007. С. 21-27.
18. Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. I.
19. ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915.
20. *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1987.
21. Служба Николаю Юродивому Новгородскому с Житием. СПб., 1831.
22. *Сухарева О. А.* Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М., 1976.
23. *Сухарева О. А.* Традиционное соперничество между частями городов в Узбекистане (конец XIX – начало XX в.) // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М., 1958. XXX.

24. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
25. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
26. Федотов Г. П. Святыне Древней Руси. Париж, 1985.
27. Филипповский Г. Ю. Столетие дерзаний (Владимирская Русь в литературе XII в.). М., 1991.
28. Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси. Ижевск, 2003.
29. Янин В. Л. Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи) // Русский город. М., 1984. Вып.7. С. 40-56.
30. Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты из раскопок 1998 г. // Вестник РАН. 1999. Т. 69. № 7.